

Глава 3. Курсы подготовки, въезд на территорию.

Раннее утро, станция Ниси-Кокубундзи.

Выйдя из поезда 233-й серии, ходившего по линии Тюо под управлением Компании, я направился в выходы с платформы.

В самом начале разработки этого поезда его решили делать целиком из нержавеющей стали; насчет получившегося экземпляра серебряного цвета, с полосой оранжевого, тогдашний министр высказался, что «Разумеется, цена и время эксплуатации важны, но прежде всего — прочность!» Поезда начали делать из сплавов стали, а железные детали покрывали оранжевой краской для защиты от коррозии.

«Ах, как же спать охота». Каждый день я проделывал путь из самого пригорода, и для того, чтобы вовремя поспеть, приходилось вставать очень рано, и у меня развился жуткий недосып.

По другую сторону линии Тюо замелькали огоньки поезда не «Супер-», но тоже «Азусы». По белому корпусу и окаймлявшей окна полосе бледно-синего цвета я сразу определил, что «Азуса» относится к 189-й серии.

Пройдя к турникету, я предоставил билет служащему станции.

Стоит заметить, что окончить железнодорожную школу – это лишь половина пути, чтобы устроиться на работу в «Японские национальные железные дороги», также важна специальная подготовка. Особенно строго в этом вопросе подходили к кандидатам в Службу безопасности, куда я был и назначен. Все, кто поступал туда, обязывались пройти месячный курс подготовки в Национальной железнодорожной академии Тюо.

Эта академия находилась в шаговой близости от станции Ниси-Кокубундзи.

«Значит, здесь и учат всему, что связано с железными дорогами?..»

Я совершенно не имел никакого понятия, что меня ждет, но для начала просмотрел в интернете историю компании «Японских национальных железных дорог» за последнее время.

На сегодняшний день, как оказалось, «Японские железные национальные дороги» – это двадцать пять тысяч километров путей и царственное положение среди железнодорожных компаний Японии. Однако управление находилось под полным контролем государства, отчего она по сути приравнивалась к государственным административным учреждениям. Поэтому

штат разросся до четырехсот тысяч служащих разного уровня и еще несколько десятков тысяч, связанных с обслуживанием, – именно из-за этого в последние тридцать лет компания была предрасположена к дефициту. Но в не зависимости от того, что некоторые линии становились затратными из-за резко снизившегося числа пользователей, компания и по сей день старалась их не закрывать.

Кроме того, члены парламента, выдвинутых железнодорожными кланами, смогли реализовать план по строительству самого протяженного линии, от Саппоро на севере до Кагосимы на юге, так называемая, главная линия Тюо. Но компания продолжала и обычную практику эксплуатации дефицитных местных линий, даже если на них почти и не оставалось пассажиров.

Предполагали, что «Японские национальные железные дороги» ведет себя так, потому что пытается тем самым сохранить статус огромной железнодорожной империи, пусть и ценой лишних затрат. Да и остановить что-либо начатое в столь гигантской организации не такое уж и простое дело. Закрытие или остановка какой-либо дорожной ветки – это уменьшение бюджета на следующий год, а, следовательно, и сокращение штата: придется увольнять тех, кто отвечает за работу поездов, строит новые железнодорожные пути, — в общем, не только тех, кто пытается нажиться, но и обычных трудяг. Однако расходы на содержание всего штата уже достигали небывалых размеров.

Естественно, что стали слышаться обвинения в расточительном расходовании бюджета. Особенно ярким проявлением такой политика стал кризис десятилетней давности, когда долг компании составил двадцать триллионов йен. И именно тогда усилили свои позиции в парламенте сторонники приватизации, однако организация сохранила свое единство благодаря выдающемуся лидеру – председателю Коми, усилия которого и позволили пережить тот кризис. Председатель Коми обладал большим опытом в отношении «экономических пузырей». Он инициировал продажи земель и некоторых грузовых терминалов, таких как Сиодоме, – таким образом, долг удалось сжать до трех триллионов йен. Кроме того, продажа дорогих земель в Гинзо и услуг синкансена позволила выйти в прибыль.

Год за годом «Японские национальные железные дороги» восстанавливала репутацию крепкой компании. В то время все фракции объединили свои усилия и действовали как один. Председатель Коми был удостоен звания Почетного советника, но вскоре покинул организацию.

В настоящее время борьба внутри компании «Японских национальные железные дороги» вновь усилилась, и в новостях начала мелькать тема увеличивающегося долга компании. На этой почве также усиливали свои позиции и сторонники приватизации железных дорог, такие как, например, экстремистская организация RJ.

«Не могли бы в компании еще немного вести дела, как положено...»

Я медленно шел от станции, размышляя над информацией, прочитанной на сайте компании, и спустя минут пять достиг академии, перед воротами которой стоял макет синкансена нулевой серии.

В пригласительном письме местом сбора указали здание под номером тринадцать. Глядя на нарисованную учителем карту, причём весьма неразборчивую, я брел по парку. Все остальные люди, которых я видел в парке, были одеты в стандартную униформу работников Компании. В блейзере, беспокойно оглядываясь, в парке шёл только я.

Мне показалось, что позади кто-то бежал. Чья-то тень быстро приблизилась и от удара в спину я отлетел на два-три шага вперёд. Обернувшись, я увидел парня в школьной форме чёрного цвета. На его лице играла неуместная улыбка.

- Йоу! Ты тоже по программе ОJT, не так ли? Где находится здание номер тринадцать? — сказал он и, подбоченившись, огляделся.

«Эй! Сперва извинился бы за то, что толкнул меня!»

- Да что тебе? Чего тебе надо! — крикнул я и, отряхнув одежду, встал.

- Э-э, ты чего так разозлился? Ну, звиняй. Я просто хотел хлопнуть тебя по плечу, — беззаботно ответил тот.

«Здоровый парень...»

Поднявшись, я мог определить, что в росте он достигал ста восьмидесяти сантиметров и физически очень крепок.

- Ай, ладно... Ты тоже по этой программе, значит?

Мне приходилось приподнимать голову вверх.

- Угу. Второй курс старшей школы Сакурацуцуми, Сё Иваидзуми. Рад знакомству, — внезапно представился он.

«Что поделать, придётся тоже представиться», — решил я.

- Меня зовут Такаяма Наото. Второй курс старшей железнодорожной школы Кирю.

- О! Так ты из железнодорожной элиты, что ли? — Сё слегка приблизился и улыбнулся, но, сказал ли он эти слова с поддевкой или искренне, я не понял.

Указав пальцем на здание в глубине парка, я предположил, что это и есть академия. И мы с Иваидзуми, заметив, что времени осталось совсем мало, поспешили.

«Да что это? Что это за старое здание?!» — воскликнул я про себя.

Таким было моё первое впечатление. Я полагал, что здание будет, по крайней мере, новым. Еще лучше, современным высотным. Но нет — передо мной стояло старое трехэтажное здание. Над входом висела деревянная табличка, с аккуратно выведенной от руки надписью «Тринадцать».

Мы бросились к лестнице и быстро поднялись на второй этаж. Дверь открылась со скрипом, и мы вошли в класс номер 206. В нем уже находилось около сорока учащихся. Как и ожидалось, девушек и парней примерно поровну.

«Японские национальные железные дороги» являлась образцом для других компаний в вопросе равенства мужчин и женщин. Никаких ограничений по полу при поступлении на работу, достижения женщинами высших должностных постов, имелись выплата пособий по уходу за ребенком и увеличенный отпуск, сохранение рабочего места после родов и во время декрета. Несомненно, эти условия сыграли существенную роль в том, что компания была популярна и среди женщин.

Поскольку здесь собрались учащиеся из разных школ, то класс сейчас походил на подиум

показа мод. Юноши носили либо блейзеры с галстуком, как я, либо совершенно черный гакуран, как у Иваидзуми. Девушки же — либо матроски, либо блейзеры с клетчатой юбкой, – у одежды девушек, по сравнению с парнями, было куда больше вариаций.

Порядок рассадки висел у входа, и мы сели за указанные места.

Раздался звонок, похожий на звук на станции при убывающем поезде. Не прошло и секунды, как дверь открылась. В класс вошла женщина, в белоснежной одежде, без единого признака одышки или спешки. Она поднялась на подиум и встала у учительского стола.

«А?! Это же...»

Это же та самая женщина, которая выстрелила из пистолета в воздух во время инцидента в Центре железнодорожного транспорта.

Она вытащила из-под подмышки книгу и тихо положила на стол.

- Встать! - приказала она.

Все разом поднялись; ударившись о парту, поднялся и я.

- Поклон, садитесь... С завтрашнего дня, начиная с Иваидзуми, вы будете повторять это ежедневно по очереди.

Но сидевший в конце ряда Иваидзуми молчал.

- Где ответ?! Мы с вами не в детском саду, чтобы в игры играть.

- Так точно! – вскочил и громко сказал Иваидзуми, не отрывая рук от стола.

- Запомните! С вами никто не собирается обращаться, как с гостями... И то, что вы только стажеры не имеет вообще никакого значения. На железнодорожном транспорте одна маленькая ошибка может привести к серьезной аварии. Каждый из вас обязан быть профессионалом на своем месте! Выбейте это на своей печени! И последнее: ради элементарного этикета, вы обязаны отдавать воинское приветствие вышестоящему.

Все молча переглянулись.

- Не заставляйте меня повторять несколько раз!

– Так точно!

Она подошла к доске и большими белыми буквами вывела надпись: «Гоно Хитоми. Капитан оперативной группы сил общественной безопасности».

– Вы все – возможные кандидаты в ряды сил общественной безопасности на железных дорогах, но, разумеется, вас никто сразу не назначит в оперативную группу, где прохожу службу я, однако... хм. Я хотела бы, чтобы каждый из вас стал действительно боевой силой на своем месте, поэтому и вызвалась на это назначение. У меня нет времени на каждого из вас, но я не позволю, чтобы в силы общественной безопасности попал человек, чьи действия могут повлечь чрезвычайные ситуации. Поэтому с этого дня буду вашим специальным инструктором. Будьте благодарны.

Этого человека, полагаю, все в классе признали общим врагом, и потому наша адаптация

прошла быстро.

- Так точно! - мы ответили громче, чем прежде.

Мне искренне не нравилась эта атмосфера ража или способ ее обучения, но ради стабильного будущего я отвечал таким же громким голосом, как и остальные. Я взглянул на Иваидзуми, и по его ухмылке догадался, что он наслаждался тем, что его голос был громче всех в классе.

Курс подготовки к поступлению в силы общественной безопасности длился месяц... как ни крути, проблемы обязательно будут. Такие ощущения витали в воздухе. Но несмотря на сказанное инструктором Гоно Хитоми, куда бы мы не ходили, к нам везде относились как к обычным посетителям. А раз так, то естественно, что и на станциях, и на поездах - все те знания, что требовались в работе на железных дорогах, были закрыты для нас. К тому же мы собирались вступать в Силы общественной безопасности, а значит, хотя я и не думаю, что мы на вряд ли будем кого-то арестовывать, но нас больше знакомили с устройством полицейской работы.

Вот что-то типа такого...

Первую неделю я думал: «И это все?!» Наши головы усиленно забивали знаниями железнодорожного законодательства и с утра до вечера мы бились с толстыми громоздкими книгами. И день изо дня после завершения учебных занятий мы сдавали тесты. Если для проходного балла было недостаточно, то пересдача происходила следующим утром.

– О-о, снова вывесили результаты.

Каждую неделю обязательно появлялись результаты тестов за неделю. Я держался в первой половине списка, но Иваидзуми, набравший точь-в-точь проходной балл, а в среду и вовсе проваливший тест, шел пятидесятым. И каждый раз я замечал в этом списке имя одной девушки, с которой однажды у меня и завязался диалог.

- Ты каждый раз на первом месте, Коми! Это круто! — сказал я.

- Э-э?! А... Это... Ничего особенного... — девушка взглянула на меня большими черными глазами и стыдливо отвернулась. Мне еще показалось, что она произнесла: «Те вопросы просто легкие были...»

Но каждый раз девушка набирала высший балл в тестах и, несомненно, первое всегда оставалось за ней. «Коми Харука! Громче, громче говори!», — вспомнил я, как Гоно Хитоми орала на грани ярости. Да, хотя Коми и набирала высший балл в тестах, но говорила она так

тихо, почти шепотом, что во время ответа на вопросы учителей ее еле слышали.

Девушка обладала приятной внешностью, а коричневые волосы до плеч привлекали своей мягкостью и пушистостью. Верх и низ школьной формы Коми имел цвет металлик, похожий на окрас ярких экспресс-поездов; дизайн же и мягкий качественный материал формы создавали впечатление аристократичной девушки.

Но пиджак, кажется, подходил ей в самый край, и верхняя пуговица из-за большой груди не застегивалась. Большой, хотя лучше сказать, огромной. И ленточка на шее по той же причине не спадала вниз, как обычно, а весело подскакивала. Но это вовсе не значит, что я только на то место и смотрю. И вообще, это нормально, что у обычного второкурсника старшей школы есть интерес к девушкам, если уж о том пойдет речь.

В этот момент к нам подошла еще одна девушка.

- Пройти столько пути, да еще и находить время флиртовать с девчонками - да у тебя много свободного времени?!

Девушка, с каштанового цвета волосами, собранными в клубок, своенравно встала подле нас. И с губ розового цвета то и дело срывались острые словечки. Такой же острый и самоуверенный взгляд. Жилетка и мини-юбка, край которой лежал на опасной границе, выше которой уже все... Длинные ноги и подтянутое тело усиливали впечатление. Если говорить начистоту, она являлась первоклассной красавицей... Но весьма опасной.

Аой Сакураи.

Сейчас из нашего класса самой известно была именно она. Ее дебют состоялся на занятии по уголовному праву, который вела Хитоми.

– Если в поезде к вам пристал хулиган и вам никак не избавиться от него, как поступить в такой ситуации?

«А такая ситуация может сложиться?!»

Естественно, что никто из нас не мог ответить.

Сакураи тогда единственной подняла руку.

- Только Сакураи? Ладно! Отвечай.

Девушка резко поднялась и с совершенно искренним взглядом ответила:

- Пристрелить.

«Хэ-э?!» — реакция всех парней была одинаковой. Конечно, никто из нас не собирался приставать к женщинам в поездах, но пристрелить за такое... это казалось слишком. И парни разом посмотрели на инструктора. Но Гоно Хитоми не выказала никакого удивления; некоторое время она пристально смотрела на Сакураи, а затем с легкой улыбкой произнесла:

- Да... это было бы круто... я бы тоже так сделала. Но Сакураи. Сейчас - нет.

- Есть. Так точно, инструктор. К большому сожалению.

Похоже, что Сакураи нашла одобрение. И последние слова инструктор произнесла только из-за того, что руководство железных дорог считало такие действия неприемлемыми.

В общем, хотя бы один раз в день Сакураи выкидывала нечто подобное. И к концу недели девушка была известна как «Сакураи – мужененавистница».

- Ничего я не флиртовал. Просто восхитился результатами теста.

- Верно, только это, Аой, – поддержала меня Коми.

«Стоп, а чего это я должен перед Сакураи оправдываться?!»

- Хм. Ты так считаешь? Он по-любому твою грудь взглядом изнасиловал.

Нечаянно, я посмотрел на предмет разговора и наши взгляды с Коми соприкоснулись.

- Хья?! — Коми обхватила грудь обеими руками, пытаясь спрятать, и присела.

- Да нет же, Коми! Я вообще об этом не думал!

- Харука! Гляди, от разговоров с таким и забеременеть недолго.

«Сто лет болтай, не забеременеешь!»

- Угу... - все так же сидя, кивнула Коми.

Сакураи довольно хмыкнула и вышла из класса.

«Да что с ней такое?!» Но поскольку я действительно пришел сюда не ради девушек, подобное отношение меня отнюдь не волновало.

Черт побери, подумал я, как раздался отчаянный возглас Иваидзуми, вечно сдававший тесты последним.

- Ну, и как мне запомнить, что только EF66 является электровозом?!

«Что же, придется объяснять».

- И что именно ты не можешь понять? — сел я на стул перед его партой.

- Только EF!!!

- Эй, не надо из-за этого плакать!

- Но как можно запомнить столько условных обозначений?!

- А что поделаешь? Мы ведь решили работать в железнодорожной Компании, не так ли?

Неожиданно к нам подошла Коми.

- «Е» в обозначении образовано от слова «Electric». «F» же, если читать от буквы А, является шестой, а значит, указывает на то, что имеется шесть ведущих колес, — мягко улыбаясь и помахивая указательным пальцем, объясняла она.

- Поскольку я напарник этого типа... - повернулся я к Коми, - то могу с уверенностью сказать, что у него плохо с запоминанием.

- Если это касается учебы, то я могу немного помочь.

- Спасибо. Я так же иногда кое-чего не понимаю. Так что ты просто наша спасительница, — поблагодарил я.

Вновь озарив нас улыбкой, Коми села сбоку от меня, и мы вместе проучились до самого вечера. Потом мы каждый день делали так... и Иваидзуми стал чаще превышать проходной балл по тестам.

В этом Центре подготовки старшеклассники приобретали опыт, отличный от того, что получают в обычных старших школах. И сегодня в воздухе висела особенная напряженность. Видимо, из-за того, что сегодня проводились тренировки по стрельбе. Нет, эти занятия не были обязательными для всех поступающих на работу в Компанию, однако Силам общественной безопасности владение оружием полагалось как необходимое. Конечно, пистолет не был всегда при тебе, а лежал в специальном ящике, который вскрывался только при экстренных ситуациях.

Всем стажерам Сил общественной безопасности по нормативу нужно выполнить пятьдесят выстрелов в рамках огневой подготовки. И это велось под налоговую отчетность, поэтому все было строго.

Разумеется, в учебном заведении запрещено проводить стрельбу, поэтому нас вывезли в ближайшую полицейскую академию.

Совершенно естественно, что среди нас никто не был знаком с оружием.

Перед этими занятиями я очень нервничал.

Нам выдали револьверы тридцать восьмого калибра и шестнадцать патронов, а затем мы расписались в журнале. Это были не те пистолеты, которыми пользуются полицейские, а похожи на используемые в играх, с длинным стволом. Словно эти пистолеты купили в старинных магазинах, как раритеты после Второй мировой войны. Тысячу штук таких

пистолетов купили по рекомендации штаба оккупационных американских сил (GHQ), но после того не закупали новых. Так объяснила инструктор...

Зачастую возникала ситуация, что на семерых был только один пистолет.

«Это вообще нормальная ситуация для такой вещи, как пистолет?»

Вывесили стенды для тренировочной стрельбы.

После того, как вошел в кабинку, следовало надеть наушники. Потом ты берешь пистолет, проводом соединенный со столом, и заряжаешь патроны в барабан, похожий на корень лотоса; хотя отверстий было шесть, заряжались только пять.

Подготовка к стрельбе закончена.

Стоит заметить, что каждый раз поворачивать барабан не требовалось, так как после выстрела он поворачивался автоматически.

И вот я поднял револьвер, дабы совершить первый выстрел в своей жизни.

Но несмотря на то, что я прилагал немало сил, дуло все равно подскочило вверх, и пуля угодило мимо цели.

- Не надо трусить. Держи крепче и продолжай!

- С-слушаюсь!!!

На строгий голос инструктора я ответил неуверенно, но громко.

Реакции были разнообразными: кто-то, видимо, имел опыт в стрельбе, а кто-то был готов заплакать.

Отстреляв пять раз, я нажал на курок в шестой раз, но раздался пустой щелчок. Я нажал еще раз, и снова щелчок. Поняв, что револьвер разрядился, я неловко положил его на стол. Зарядив следующими патронами, я отстрелялся, и вновь повторил процедуру. Вскоре остались последние десять раз.

Это были первые в моей жизни сорок выстрелов. Еще немного и я получу официальное подтверждение, что завершил стрельбу. И для такого неопытного в стрельбе человека, как я, это казалось нечто грандиозным.

Что касается цели, то это был небольшой силуэт человека, а для управления им служила красная кнопка. Нажав на нее, силуэт отъезжал на двадцать метров назад. Несмотря на то, что я свыкнулся с револьвером, после сорока выстрелов подряд запястья дрожали, как осиновый лист.

В соседней кабине стоял Иваидзуми; наверное, из-за хорошего физического телосложения он совсем не выглядел уставшим. Почему-то на его лице была ухмылка. «С тобой все в порядке, Иваидзуми...»

Я подумал, что раз Иваидзуми развит физически, то и в цель он попадал хорошо, но приглядевшись к результатам, я увидел, что все выстрелы шли гораздо выше положенного.

Когда мы отстрелялись и взялись за перезарядку, я обратился к нему:

- Что это? Ты же видишь цель?

- Мне больше нравится рукопашный бой.

Иваидзуми продемонстрировал удары, словно из какого-то боевика.

- Ты не прямо стреляй, а целься чуть ниже.

- О, вот как. Отлично, все понял! Сделаю, как ты и сказал.

Когда происходит выстрел, из-за отдачи дуло приподнимается вверх, поэтому стрелку надо метить чуть ниже, так сказала инструктор, но Иваидзуми, наверняка, это пропустил мимо ушей.

Цель находилась в двадцати метрах, поэтому невооруженным взглядом трудно было определить, попал ли я. Только по вздрагиванию листа я мог определить, снаряд пролетел мимо или нет. Вот так я и отстрелял десять патронов.

После окончания стрельбы я вернул мишень обратно и посмотрел результаты.

Что это?.. Всего лишь два попадания из десяти? В центре силуэта был изображен круг, в который и требовалось попасть; оно осталось почти не тронутым.

Я вышел из кабинки, как и Иваидзуми.

Взглянув на его мишень, я увидел в круге пять отверстий. Очевидно, что вторую партию выстрелов он произвел идеально. Все-таки при хорошей физической подготовке и нужных

советах можно получить очень хорошие результаты...

Вдруг раздался металлический лязг и вскрик Коми.

- Что случилось?! - раздался громкий голос инструктора. - Не паниковать!

- Когда я выстрелила, то дуло подскочило вверх, - объясняла почти что плачущая Коми, - и пуля полетела куда-то вверх.

- Крепче держать надо! Это ведь облегченные снаряды, так что и для девушек должно быть легко!

- Простите... Я испугалась... Я... не могу стрелять, - с покрасневшими глазами, извинялась Коми.

- Что же, значит, Коми, твоё обучение здесь и заканчивается? Те, кто не владеет оружием, не могут быть приняты в службу общественной безопасности.

- Это...

В Железнодорожных силах общественной безопасности нет каких-то маленьких пистолетиков, поэтому девушкам не остается иного выбора, как практиковаться. Но девушки используют специальные учебные пули, в которых снаряд вдвое меньше и отдача не такая сильная, однако совладать с этим обычной старшекласснице все равно не так просто.

В обычных условиях мы на вряд ли стали бы общаться, но из-за того, что Иваидзуми требовалась помощь в учебе, я и Коми часто общались. Да и в итоге я сам многое узнавал у этой девушки.

- Коми, давай постараемся. Это ведь не стоящая причина, чтобы бросать учебу, не так ли?

- Просто крепче держи и все будет в порядке, - продолжил Иваидзуми.

Коми посмотрела на нас и, вытерев слезы, подняла пистолет.

- Угу... Я постараюсь... Спасибо вам, Такаяма, Иваидзуми.

Мы стояли позади и следили за стрельбой девушки.

После каждого выстрела она вскрикивала, а в уголках глаз появлялись капельки слез. Но Коми брала себя в руки и совершала следующий выстрел.

- Я закончила... инструктор, - и плача, Коми плюхнулась на пол, на том же месте, где и стояла.

Результат, разумеется, был никаким.

- Отлично! Следующие! - произнесла Гоно.

После этих слов Сакураи подошла к Коми и помогла ей добраться до скамейки.

Затем Сакураи обернулась к инструктору и отчеканила:

- Инструктор! Разрешите мне использовать те же патроны, что и мужчины!

- Снова ты, Сакураи... Тебе бы ... - начала было говорить инструктор, но Сакураи перебила ее:

- По направлению от отца, я десять раз ездила за границу на подобные испытания.

Инструктор закрыла глаза и немного подумала:

- Что же, ладно... Я разрешаю.

- Благодарю вас!

Сакураи хлопнула в ладоши и, улыбаясь, получила те же патроны, что и парни.

Войдя в кабинку, она одним движением надела наушники и расписалась в журнале. По ее движениям, было очевидно, что Сакураи не была дилетантом.

Но способна ли на это старшекласница?

Поверхность пуль гладкая, совсем как у кухонного ножа до первого использования, однако Сакураи с легкостью патрон за патроном загрузила пистолет и подняла его.

Выражение лица девушки было весьма серьезным.

Сжимая рукоять в обеих руках, Сакураи без особого труда отстреляла пять раз. И так же молча, и с серьезным видом перезарядила пистолет. Точно не знаю, но, весьма вероятно, что она попадала в цель.

Поскольку очередь Сакураи пришлась на самый конец, то так вышло, что за ней следили все девушки и юноши. А Сакураи в том же темпе закончила свои сорок выстрелов и, получив санкцию от инструктора, приступила к последним десяти.

Сакураи ритмично отстреляла десять патронов.

- Охохо, - произнесла инструктор.

Девушка нажала кнопку и вернула мишень обратно.

Когда парни увидели результаты, то сразу же прикрыли руками самое важное место. На силуэте мужчины выстрелы расположились так: один – в голову, два – в сердце, восемь – в живот, и особенно большая и идеальная дыра от множества выстрелов была в области паха.

Думается мне, что все выстрелы Сакураи достигли своей цели.

Сакураи сняла наушники и почему-то обернулась ко мне:

- Ну что, устроим поединок?

- С чего это еще?!

Да, если бы мы и устроили поединок, я бы точно помер.

- Кьяааа! Ничего себе, Сакураи! – восхищенно ахали девушки.

Похоже, что Сакураи стала весьма уважаемой среди них. Если в плане учебы могут возникать мысли, типа «Я и сам так смогу, если подучится», то стрельба – дело иное. Как бы сказать, сейчас Сакураи была большим парнем, чем любой парень из здесь присутствующих. Однако не было из парней никого, кто решил подойти к Сакураи.

После того, как все отстрелялись, стали подводить результаты. Как оказалось, при моих попаданиях два из десяти я был не последнем месте. Первое среди парней занял Иваидзуми с его пятью попаданиями во второй части стрельб. А стопроцентное попадание Сакураи наводило только на одну мысль: не наемный убийца ли она?

Вообще стрельбы своего проходным экзаменом в Силы общественной безопасности, после которого численность класса была резко снижена. Наконец-то нас осталось три четверти, или вот и осталось три четверти, но факт, что от прежнего класса осталось всего лишь три четверти.

Продлись все это еще неделю, то я бы точно бросил все это.

В целом класс оставался таким же, но было очевидно, что все на пределе. Ведь самое ужасное было в том, что, сколько бы мы не поднимались на эту гору, она становилась, наоборот, выше.

И обучение наше сводилось не только в получении огромного количества знания, но и необходимой физической подготовке. И вот таким вот упражнением этой физической подготовки была легендарная тренировка подачи угля.

- Тренинг по подаче угля! Сбор через пять минут во 2-ом центре техобслуживания! – объявили в громкоговоритель. Мы, согласно инструкциям, надели рабочую форму и быстро направились к закрытой зоне техобслуживания.

Горячо! Что это?! Так жарко.

Несмотря на открытые окна, внутри помещения была ужасная жара.

На рельсах стояли два локомотива.

Пшш!!!

Вдруг у одного из-под них раздался белый пар.

Кажется, от каждой такой клубы пара внутри становилось еще жарче.

Инструктор отдала воинское приветствие сильному на вид мужчине:

- Доброе утро, начальник техобслуживания! Вот, доверяю вам этих.

- Охох, интересно, сколько в этом году останется.

- Кто знает. В этом году по большей части слабаки, так что не стоит слишком давить.

- Постараюсь.

- Сегодня мы проведем тренировку по подаче угля, - повернулась к нам инструктор. - И не уйдем отсюда, пока вы все не прогоните этот С62 до ста километров в час.

- Эээ?! – невольно воскликнули все.

- Вы, наверное, сейчас подумали: «Да с какой стати нам нужно учиться водить вот такое?». И это ваша величайшая ошибка. Паровоз – отец железной дороги. Сама железная дорога была построена лишь после постройки первого паровоза. И, по сути, все нынешние стандарты основываются на тех, что были приняты относительно паровозов. Если вы не сможете сдвинуть это, то о поезде или синкансене даже и не думайте. Уяснили?

- Так точно!!!

- Ну и отлично! А теперь разделитесь по двое!

По свистку инструктора мы разделились на команды.

Поскольку сейчас паровозы редко увидишь, то справедливо, что их не так уж и изучают. Однако из клуба исследований паровозов я кое-какие знания почерпнул.

В случае нашего класса на каждый километр нам потребуется сто литров воды и сжечь около сорока килограмм угля, чтобы произвести необходимое количество пара.

Разогнавшись до шестидесяти километров в час, нам потребуется сжигать сорок килограмм угля в минуту, то есть, при учете, что совком можно забрать два килограмма, потребуется кидать уголь раз в три секунды.

Но сейчас мы имеем паровоз типа С62, который надо разогнать до ста километров в час. Как минимум, придется сжигать около шестидесяти килограммов угля.

Шестьдесят килограммов угля – это шесть больших мешков с рисом!

Я объединился в команду с Иваидзуми, который был весьма силен.

- Рассчитываю на тебя, Иваидзуми.

- Я уж, как следует, отплачу за всю помощь с учебой.

Неподалеку разговаривали Сакураи и Коми. Почему-то глядя на них, я беспокоился; справятся ли две девушки с таким заданием...? Вдруг я встретился взглядом с Сакураи.

- Ты чего это на задницу Харуки пялишься? – произнесла она.

- Ёя! – Коми положила руки на ягодицы.

Да нет же! Сакураи!

Я смутился, но и гневно взглянул на нее.

- Сакураи, но справитесь ли в команде из одних девушек?

Сакураи повернулся ко мне и громко произнесла:

- Недооценивай меня из-за того, что я женщина. Если ты думаешь, что сможешь, как обычно, задавить меня при помощи обычной грубой силы, ты глубоко заблуждаешься!

Да никто не говорил таких двояких, попахивающих развратом, слов. Но поскольку Сакураи была популярной среди девушек, то меня сразу же пронзили холодные взгляды всех одноклассниц вокруг.

Да нет же, нет! Я вообще ничего не собирался делать!

- Я просто волновался! И что с этого!

Свист!

Повернувшись к нам, инструктор выглядела, как королева.

- А вы, я погляжу, полны энергии! Ну что ж, покажите, на что вы способны!

По вине Сакураи и меня пронзил этот укоряющий взгляд...

Сакураи указала на меня пальцем и вызывающе произнесла:

- Ну, гляди! Я тебе покажу, что не только мужчины способны на такое!

- Черт побери, ни капельки не милая.

- Обойдусь и без этого!

И, обменявшись гневными взглядами, мы направились к паровозу.

Поприветствовав машиниста, мы залезли в кабину. За техническую часть отвечал именно машинист, стажерам же надо было подкидывать уголь в бойлер. Нашим машинистом стал начальник техобслуживания.

Колеса локомотива стояли на огромных металлических цилиндрах, вращавшихся в такт колесам. Эти локомотивы были настоящими, но, по сути, являлись симуляторами. Скорость поезда отображалась на огромном табло впереди.

- Итак, поехали!

По команде инструктора мы стартовали.

Три колесной пары, с кривошипом, начали движение.

Вшш, вшш, вшш.

Раздался паровой гудок.

Туууу.

- Отлично! Я буду первым! - обратился я к Иваидзуми и стал закидывать уголь.

Посреди кабины находилась дверца для загрузки угля. Под ногами были педали, нажимая на которые, можно было открыть дверцу либо вправо, либо влево. За дверцей виднелся красный горящий уголь, а когда дверцу открывали, жар вырывался наружу.

Тссс, тшшш, дун.

Тссс, тшшш, дун.

Выполнять такую, легкую на вид, работу, да еще и говорить было весьма сложно. Кроме того, мы должны были работать в масках, так как в паровозах при прохождении туннелей скапливался токсичный газ, а мы «должны были бы готовы к худшей ситуации».

Вообще-то в паровозах серии С62 имелся специальный механизм — механический сталкер, который автоматически загружал уголь в бойлер, однако по приказу инструктора — этого демона — им было запрещено пользоваться, и весь труд был переложен на наши плечи.

Главная цель — набрать нужную скорость.

Но для этого надо повысить температуру внутри котла.

Тутун, тутун, тутун.

Скорость заметно увеличилась, и поршень стал двигаться быстрее.

Не слишком привыкший к жаре, я быстро размяк.

Обильный пот пропитал рабочую одежду и маску.

- Стажер, мы ведь только начали, - обратился ко мне машинист. - Да к тому же, гляди, те барышни справляются куда лучше нас.

В другой машине, я был уверен, Сакураи работала в одиночку.

На спидометре впереди наша скорость была ниже на десять километров в час.

Черт, мы так проиграем!

- Такаяма, ты в порядке? Давай сменю.

Было решено, что Иваидзуми заменит меня. Мы ударили по рукам.

- Поехали!

Когда он начал забрасывать уголь, я невольно замер.

Раз, два. Раз, два. Раз, два.

Быстро!

С длинными руками и ногами Иваидзуми закидывал уголь за один раз, не сходя с места.

И в темпе гораздо превосходил меня.

Мы резко набрали скорость и стали нагонять команду Сакураи.

Вскоре наши показатели скорости сравнялись, но скорость дальше не увеличивалась.

Э? Почему?

- Мало просто закидывать уголь, - с ехидной улыбкой произнес начальник. - Хм, Аой, видимо, должна уже выдохнуться, поэтому темп скоро упадет, а?

Из-за жары все вокруг плыло.

С каждым оборотом колес тело покачивалось.

Казалось, что мы не в симуляторе, а на самом что ни на есть настоящем паровом локомотиве.

Настоящий... паровой... локомотив?

Точно, моя клубная деятельность... это были ведь серьезные исследования.

Но в то время мы ездили только на симуляторах.

Тогда я еще спросил у машиниста совет... но о чем?

Мм...

Верно, про эффективность сгорания.

Если просто забрасывать уголь, то он горкой скапливается в центре, и слой до активной области сгорания увеличивается; надо разбрасывать уголь равномерно.

Вот почему используется не большая лопата, а не большой совок — чтобы контролировать загрузку угля.

- Иваидзуми, нам надо увеличить эффективность сгорания!!!

- Аа? Что ты сказал?

Черт побери! Слушай внимательней! А ты, Сакураи, не слушай!

Я заметил, что по неосторожному крику меня услышали и Сакураи с Коми.

- Эффективность сгорания! - воскликнули они, словно что-то осознав.

Иваидзуми же смотрел на меня, типа «Что это такое?».

- Эффективность сгорания? Пожалуйста, не говори мне таких сложных слов.

Ээ?! Идиот, усвой хотя бы элементарную теорию!

- Ладно, тогда я буду вести тебя. Кидай уголь туда, куда я укажу.

- О, в этом положиись на меня!

- Правый задний угол!

- Есть!

Раз, два. Раз, два.

Справа от черной кучи уголь горел красным углем, поэтому я сообразил, что надо бросать в тот край.

- Теперь в правый передний!

- О! Теперь сюда?

Пшшш.

Иваидзуми следовал инструкциям и быстрыми движениям загружал бойлер.

Постепенно мы вошли в раж, и теперь мы опережали команду Сакураи на десять километров в час.

Еще немного...

- Я вроде отдохнул! Давай вместе!

- Понял!

- Так, для начала в левый задний!

Попеременно мы открывали дверь и забрасывали уголь.

Таким образом наш локомотив будет держать нужную скорость.

Спасало еще и то, что Иваидзуми, вот уже почти двадцать минут, ни на толику не сбавил темпа.

Будь я в комбинации с кем из других парней, то давно бы сдался.

Из соседнего локомотива я слышал инструкции Коми, направлявшие Сакураи, отчего они также набирали ход.

Но ведь там только одна Сакураи...

Вззззззззз!

Колеса локомотива вращались на огромной скорости, отчего издавали металлический скрежет.

Звук хода походил на рев турбинного двигателя.

По обе стороны раздавались клубы белого пара.

Свист!

- Э, что?!

К нам обернулась инструктор и громко крикнула:

- Такаяма! Иваидзуми! Достаточно!

Взглянув на табло, мы увидели скорость в сто километров в час.

Мы сделали это...

Ура!

Ах...

Тело обмякло и я медленно сник на пол.

- Такаяма, ты в порядке?

- Угу... Я уже все... Прости. В этот раз мы справились только благодаря тебе.

- Я просто делал, что мог. Вот и все, - улыбнулся Иваидзуми.

Даже через двадцать минут активной работы он не выглядел запыхавшимся.

Я вышел из кабины и ступил на каменный пол.

Свист!

- Сакураи! Коми! Вы тоже заканчивайте! - крикнула инструктор.

Позже нас, но и команда Сакураи достигла нужной скорости.

В окне кабины я заметил бледное лицо Сакураи и... которое тут же исчезло.

Раздался стук от падения.

- Къааа! Сакураи! - раздался испуганный крик Коми.

Девушка закрыла рот обеими руками, глядя на неподвижную Сакураи.

Инструктор ни в чем не бывало взглянула на лежащую девушку:

- Она явно переоценила свои силы. Иваидзуми, Такаяма? Возьмите там носилки и отнесите Сакураи в медкабинет.

- Хорошо!

Неужели тут такое уже происходило? Или это каждый год так?

Мы сразу же поднесли носилки и уложили на нее Сакураи.

Я снял с лица девушки маску, и она усиленно задышала.

Похоже, что вне опасности.

- С Сакураи все в порядке? - беспокойно спросила Коми.

- Оттого, что выиграл... на той игрушке... не смей зазнаваться, понял? - Сакураи не имела сил двинуться, но зато были силы говорить.

В каком-то смысле она поражала меня — даже в такой ситуации она теряла своего задиристого духа.

- Видимо, да, - ответил я.

- Я рада, - вздохнула Коми и, плача, присела на пол.

- Для начала отвезем ее в медицинский кабинет, - произнес я, взявшись спереди за носилки.

Сакураи прикрыла глаза рукой:

- Делайте, что хотите.

Черт побери, эта девчонка ни за что не признает своей ситуации.

Когда Иваидзуми поднял носилки, а шел он сзади, то есть со стороны ног девушки, Сакураи успела бросить в его адрес: «Не смотри таким похотливым взглядом».

Да насколько она ненавидит парней?

Весь тот день продолжалась такая тренировка; всего прошли около сорока человек.

Что удивительно, но, как оказалось, до скорости в сто километров в час добрались только мы четверо.

Инструктор по итогу говорила, что «Это только потому, что команды Сакураи и Коми, а также Иваидзуми и Такаямы смогли создать настоящую команду...».

Взамен этого мы были освобождены от тестов на два дня.

Иваидзуми, буквально, лил слезы радости.

Кстати говоря, нас ждали еще одна серьезная тренировка — получение личного опыта в Силах самообороны и, так называемая, тренировка на поезда.

Думается мне, что человек, один раз пройдя такое испытание, второй раз на вряд ли согласится.

Если вы хотите представить насколько оно тяжелое, представьте, как вы целый день занимаетесь атлетикой в полевых условиях, неся за спиной рюкзак и с пистолетом в руках (без патронов).

Вы спросите, а что тут сложного в такой тренировке? Учтите, что рюкзак тяжелый, и всегда есть вероятность свалиться в реку или какой-нибудь пруд.

Да и тренировка на поезде выглядели легко, однако на ужине даже еда не проходила сквозь горло.

К примеру, поезд попал в аварию и остановился. Чтобы оповестить инструктора об опасности, я должен был в школьной форме, держа на вытянутой руке дымовую шашку, изо всех сил бежать по шкалам, и только по ним.

Это было куда сложнее, чем я думал.

Время было фиксированным, и если ты не справлялся тебя ждали пять кругов пробежки.

Лучший результат среди парней показывал Иваидзуми, который мог тренироваться хоть целый день.

Среди девушек же первое место всегда оставалось за Сакураи, а та, что была на вершине в теории — Харука Коми — была жертвой дополнительных тренировок.

Что касается меня, то я был в середине.

Ну таков вот я. В учебе мне главное набрать необходимый балл. Физически я развит тоже на среднем уровне.

Вообще тот тренинг с загрузкой угля был первым, когда я имел высокий результат.

За этот месяц начал отдавать все силы на учебы и во время уроков, и еды.

В результате чего моя повседневная жизнь была нарушена, а в конце дня я мог еле-еле двигаться.

В таком темпе жизни тело невольно запомнило и совсем бесполезное.

Приветствие.

С этими людьми я бы в обычной жизни ни за что не общался.

Однако, мы были в Силах безопасности, а значит, нет никакого выбора, как приветствовать остальных.

К тому же за все те дни, которые мы провели в тренировках, почти что до смерти, я вдруг почувствовал, что был одним из них.

И вот, после мыслей мыслей «еще чуть-чуть, еще немного», ад и вправду закончился, и наступил тридцатый день — конец стажировки.

В этот день не было тренировок, и мы дожидались распределения.

Динь, дон, динь...

Раздался звонок и я открыл глаза.

Как и за все тридцать дней, не прошло и секунды — дверь открылась и в комнату уверенным шагом вошла инструктор Гоно.

- Встать!

Раздался привычный скрип стульев и все встали.

- Приветствие! ...Садитесь.

Мы сели на свои места.

За этот месяц класс совершенно изменился.

Гоно всех оглядела и, улыбнувшись, кивнула:

- Всем было трудно. Но сегодня... краткий курс сил общественной безопасности завершен. Теперь вы наполовину являетесь офицерами сил железнодорожной безопасности. Я была с вами так строга, чтобы вы поняли, что мы имеем дело с человеческими жизнями. Однако не забывайте, что вы не сотрудники полиции, а компании «Японские железнодорожные дороги», которая позволяют множеству людей комфортно и безопасно путешествовать и ездить на

работу. Поэтому...

Сильно и четко Гоно вывела мелом надпись на доске.

- Это девиз службы, охраняющей безопасность железных дорог, - Сил общественной безопасности железных дорог. Никогда не относитесь к посетителям, как к преступникам. Будьте всегда добры к ним.

Гоно замолчала и добавила:

- Однако с теми, кто причиняет беспокойство нашим клиентам, в любых условиях, вы должны сражаться... Понятно?

Спустя почти часовой инструкции нам были выданы свидетельства о принятии на работу в Силы общественной безопасности железных дорог.

Посреди свидетельства была расположена огромная эмблема организации, как в полицейских значках.

Пережившие особенно большие трудности, вроде Коми или Иваидзуми, принимали свидетельства со слезами на глазах.

Вскоре инструктор ушла, а значит, обучение было закончено.

В первый раз мы пошли все вместе на станцию Ниси-Кокубундзи.

Но здесь нам пришлось и расстаться.

- Спасибо за многое... Такаяма, - произнесла Коми, оглядываясь на Сакураи, которая недовольно сложила руки на груди.

- Такаяма! Не надо только преследовать девушек, лучше тренируйся, как положено! - воскликнула Сакураи, заметив, что на нее обратили внимание.

Да не преследовал я.

И зачем так орать?!

- Тебя тоже касается, ты уж поладь-то с мужчинами. Ведь большая часть персонала «Железных дорог» пока что еще мужчины.

- Да знаю я! - девушка крепко сжала руки. - Но без сражения ничего не докажешь!

Хотелось бы мне знать, откуда в этой девушке столько самоуверенности.

Тутун, тутун, тутун...

Из прибывшего поезда начали выходить люди.

- Ну пока! - Сакураи схватила руку и повела покупать билеты.

- А-Аой, погоди! Пока! До встречи! - Коми обернулась и легко кивнула.

Когда двери закрылись, Сакураи сделала жест, будто выстрелила из пистолета.

Прекрати использовать этот жест... это вредно для сердца.

- Прощай и ты, Иваидзуми. Когда вернешься, подтяни учебу.

- А ты, Такаяма, подкачайся, - глаза Иваидзуми до сих пор были красными.

- Но я ведь как ни старайся все равно не смогу стать таким мускулистым дураком, как ты!

- Так и с учебой также!

Мы рассмеялись.

- Что же, пока.

И мы попрощались, как не прощались никогда ранее.

Месяц испытаний был позади...

Но главное — было еще впереди. Эти курсы были только началом программы ОJT. И до сих пор меня мучила мысль — что же это за работа такая, на которую не берут без подобного обучения? Я чувствовал беспокойство, но до назначения оставалась еще неделя, поэтому решил не думать об этом.

В тот момент моим единственным желанием было как следует выспаться.

<http://tl.rulate.ru/book/18008/494241>